

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.11>

Пискунов Никита Владимирович

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩИНАМ
СТАРООБРЯДЦЕВ И СТАРЫХ РУССКИХ СЕКТАНТОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920-1930-Е
ГОДЫ**

В статье рассматриваются и анализируются особенности политики Советского государства по отношению к общинам сектантов и староверов Нижней Волги и Дона в 1920-1930-е гг. В данный период позиция власти к ним отличалась своей изменчивостью. В первое десятилетие существования СССР государство воспринимало старообрядческие и сектантские общины Нижнего Поволжья в качестве своего союзника в борьбе против Русской православной церкви. Но к началу 30-х годов XX века политика государства по отношению к ним принципиально изменилась, приняв характер долговременного преследования, что было обусловлено формированием тоталитарного сталинского режима.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 51-55. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

CENTRAL NEWSPAPERS ABOUT CONFLICT ESCALATION IN RUSSIA IN OCTOBER, 1993

Otrokova Ol'ga Yur'evna, Ph. D. in History
Shcherbakova Ol'ga Mikhailovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
otrokova@yandex.ru; infobox900@mail.ru

Gol'tseva Ol'ga Yur'evna
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot
lightning60@mail.ru

The article analyses the materials that were published in Moscow newspapers in early October, 1993. On the basis of their studying the authors consider the problem of the role and attitude of the central periodical press in this period. The paper focuses on the problems of forming new Russian statehood, examines the response of the public and journalistic community to the events of the "two-day civil war" as a political conflict between the President of Russia and the Supreme Council of the Russian Federation. The authors conclude that introducing censorship contributed to the militarization of the conflict, which allowed President Yeltsin's supporters to win a victory and predetermined Russia's historical choice.

Key words and phrases: B. N. Yeltsin; A. V. Rutskoy; R. I. Khasbulatov; mass media; newspaper; 1993; "two-day civil war"; information warfare.

УДК 9; 908

Дата поступления рукописи: 13.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.11>

В статье рассматриваются и анализируются особенности политики Советского государства по отношению к общинам сектантов и староверов Нижней Волги и Дона в 1920-1930-е гг. В данный период позиция власти к ним отличалась своей изменчивостью. В первое десятилетие существования СССР государство воспринимало старообрядческие и сектантские общины Нижнего Поволжья в качестве своего союзника в борьбе против Русской православной церкви. Но к началу 30-х годов XX века политика государства по отношению к ним принципиально изменилась, приняв характер одновременного преследования, что было обусловлено формированием тоталитарного сталинского режима.

Ключевые слова и фразы: старообрядчество; старое русское сектантство; государственно-конфессиональные отношения; Советское государство; Союз безбожников.

Пискунов Никита Владимирович
Волгоградский государственный университет
piskunov@volsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩИНАМ СТАРООБРЯДЦЕВ И СТАРЫХ РУССКИХ СЕКТАНТОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920-1930-Е ГОДЫ

Революционные события октября 1917 г. вызвали перемены в политической и социально-экономической жизни России. Они коснулись и системы государственно-конфессиональных отношений, что проявилось в изменении позиции власти к религиозным конфессиям. На фоне идеологической борьбы Советского государства с Русской православной церковью по-особому выстраивались его отношения со старообрядчеством и старым русским сектантством.

Государственная политика относительно рассматриваемых религиозных групп староверов и сектантов вызвала интерес у множества исследователей, поскольку важным было выявить основные отличия в реализации данной политики как в части Русской православной церкви, так и старообрядцев и старых русских сектантов. Кроме того, актуальность данного исследования определяется необходимостью установления всех особенностей государственно-конфессиональных отношений такого поликонфессионального региона, как Нижнее Поволжье, поскольку сформировавшаяся в 1920-1930-е гг. стратегия советской власти в отношении старообрядцев и сектантов оказала существенное влияние на их дальнейшую судьбу.

В отечественной историографии государственно-конфессиональных отношений на сегодняшний день практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные политике государства в части старообрядчества и старого русского сектантства, в том числе и в региональном разрезе. В данном исследовании предпринята попытка подробного рассмотрения особенностей отношений государства с группами староверов и сектантов Нижнего Поволжья в 1920-1930-е годы с учетом изменения внутренней политики Советского государства и последующего установления тоталитарного сталинского политического режима. В научный оборот были введены новые оригинальные документы по рассматриваемой проблематике, посвященные организации антирелигиозной пропаганды, направленной на староверов и сектантов, что являлось неотъемлемой частью государственной политики по отношению к ним в рассматриваемый период времени.

В 1920-1930-е гг. старообрядчество включало в себя многочисленные ответвления, сложившиеся вокруг трех основных согласий – беглопоповского, беспоповского и белокриницкого. В свою очередь, общины

молокан, духоборов и еноховцев являлись основой старого русского сектантства региона. В связи с этим основной задачей данного исследования является выявление особенностей отношений государства с общинами старообрядцев и старых русских сектантов региона в 1920-1930-е годы.

В первых научно-исследовательских работах, посвященных государственно-конфессиональным отношениям на территории Нижнего Поволжья, авторы не уделяли особого внимания особенностям государственной политики, связанной со старообрядчеством и старым русским сектантством в первые десятилетия существования советской власти. Кроме того, данные научные работы стали появляться лишь в 1990-х гг., в связи с открытием доступа к ранее засекреченным архивным документам по истории рассматриваемого периода.

В диссертационном исследовании М. Ю. Крапивина были определены общие особенности государственной политики, направленной против Русской православной церкви и в незначительной степени – относительно староверов и старых русских сектантов в 1917-1929 гг., была дана оценка степени их противоречивости [8]. В работах О. Ю. Редькиной были предприняты попытки определения количества рассматриваемых групп старообрядцев и сектантов, были выявлены их основные общины в регионе [9; 10]. В диссертационном исследовании Я. С. Гринченко были рассмотрены тенденции развития и сохранения старообрядческой культуры Нижнего Поволжья, при этом автором было подчеркнuto, что конфессиональный этноцентризм и традиционализм старообрядчества, несмотря на серьезное изменение политики Советского государства по отношению к нему, во многом способствовал сохранению самодостаточной культурной среды [7]. Важный вклад в исследование вопросов реализации государственной политики в части старообрядцев и старых русских сектантов региона внесли опубликованные сборники рассекреченных документов, которые содержат отчетность районных и областных партийных органов о состоянии религиозной ситуации в Нижне-Волжском крае и Сталинградской области [6].

В 1921-1922 гг. на территории страны развернулась антицерковная кампания, нацеленная на уничтожение влияния Русской православной церкви на общество и подрыв ее экономической базы в дальнейшем. Однако практики военного коммунизма и силовых реквизиций в общегосударственном масштабе не вызвали общественного одобрения. Стремясь заручиться поддержкой старообрядцев и старых русских сектантов, ранее пострадавших от преследований со стороны Русской православной церкви, в октябре 1921 г. советское правительство опубликовало к ним воззвание, в котором говорилось, что их теперь «никто, никогда... не будет преследовать» [2]. Данное обращение к представителям ранее ущемляемых конфессий и общин подчеркивало устремленность большевиков укрепить свою социальную базу, расширить ее состав. Для реализации данного плана ими была создана комиссия по заселению свободных земель сектантами и старообрядцами, действовавшая до 1924 года [Там же]. В свою очередь, старообрядческие церковные иерархи – архиепископ Мелетий (Картушин) и епископ Геронтий (Лакомкин) в 1923 г. выпустили «Архипастырское послание» с призывом к прихожанам быть лояльными по отношению к советской власти [Там же].

В конце 1925 г. из 556 объединений, зарегистрированных Сталинградским губисполкомом, старообрядческими были 94 [10, с. 22]. Они стояли на втором месте после Русской православной церкви по степени распространения в регионе. Сохранялся отрыв по их численности от следующих за ними протестантов, мусульман, иудеев и католиков [6, с. 150]. В южных районах Нижнего Поволжья старообрядцы уступали по численности другим представителям старого русского сектантства – молоканам и духоборам, а также религиозным объединениям, отпавшим от протестантизма – евангельских христиан-баптистов. На протяжении длительного времени труднодоступные территории Заволжья были идеальным пристанищем для различного рода сект и объединений подобного характера, при этом данная специфика сохранилась и с приходом советской власти. «Закрытость» сектантских групп в первые годы советской власти была обусловлена определенным недоверием к новой власти, что было вызвано гонениями против сектантов со стороны царской власти ранее.

К середине 1924-1925 гг. начинается процесс постепенного проведения антирелигиозной пропаганды среди населения, обусловленный возрождением его религиозной жизни. На IX губернской партийной конференции по работе агитпропа (март 1924 г.) отмечалось, что уровень антирелигиозной работы в Царицынской губернии низкий – в г. Царицыне имелось всего 3 лектора, проводивших беседы с населением. Уровень их подготовки, как отмечали участники конференции, был неудовлетворительным [11, д. 109, л. 39]. Всего по губернии было создано 18 антирелигиозных кружков, в г. Царицыне закрыли 3 старообрядческие церкви, а по губернии – 41 молитвенный дом [Там же]. Местные органы власти не указывали число старообрядцев, не приводили сведения по числу религиозных обрядов, совершаемых в их храмах. Это усложняет определение реальной религиозной ситуации в г. Царицыне.

В Суворовинской волости было отмечено несколько групп староверов и одно объединение сектантов «подземельников» [Там же, л. 54]. Секта располагалась в х. Степано-Разинском Есауловской станицы [Там же]. Власть проводила здесь антирелигиозную работу, заключавшуюся в проведении театральных представлений на антирелигиозные темы и чтении газеты «Безбожник» [Там же, л. 53]. Антирелигиозные убеждения местных жителей были достаточно сильны, это объяснялось событиями белого террора во время Гражданской войны, когда местные священники поддержали действия белогвардейцев, что вызвало человеческие жертвы. В результате у населения сложилось негативное отношение к священнослужителям в целом.

В 1927 г. началось преобразование местной организации Союза безбожников (далее – СБ). В марте 1927 г. было объявлено о создании его молодежных секций в окружных, районных и сельских советах Сталинградской губернии [12, д. 114, л. 1]. Однако создание секций молодежи при ячейках СБ на местах в реальности оказалось невозможным из-за его слабого кадрового состава и неудовлетворительной материально-технической базы [Там же].

Весной 1929 г. увеличение числа религиозных объединений было вызвано их приспособлением к действительности, попытками создания ими организаций, под видом которых они вели свою деятельность [Там же, л. 4].

Власти предлагали традиционные методы контроля религиозной ситуации в регионе, которые не приносили реальных результатов. Это было связано с тем, что местные ячейки ВКП(б) не имели рычагов контроля за верующими, отсутствовала организованная система антирелигиозной пропаганды. Уже к сентябрю 1929 г. Нижне-Волжский краевой комитет ВКП(б) предложил иные механизмы проведения работы с населением. Была развернута деятельность Саратовского антирелигиозного воскресного университета, к работе которого были привлечены партийные активисты [14, д. 68, л. 61]. Планировалось, что данное учреждение организует выездные семинары в районы Нижне-Волжского края, где проживали старообрядческие и сектантские общины. Тематика семинаров должна была быть связана с антирелигиозными вопросами.

В середине 1920-х гг. был развернут процесс реэмиграции отдельных групп старых русских сектантов, в частности молокан и духоборов, на прежние места проживания. Это было вызвано обещаниями власти, что общины не будут никем преследоваться, и фактором предоставления земли для ведения сельского хозяйства. Сальский округ стал крупным реэмигрантским центром, куда переселялись духоборы и молокане из территорий бывшей Российской империи (в частности, из Закавказья). Многие сектанты прибывали из-за рубежа (Карская область Турции, США и Канада) [9, с. 268]. По мнению О. Ю. Редькиной, верующие возвращались на Нижний Дон из Северной и Южной Америки, где проживало 10 тыс. духоборцев, 3-4 тыс. молокан, 2,5 тыс. последователей Нового Израиля [Там же, с. 292]. В начале 1920-х гг. в Заволжье развернулась деятельность еноховской секты и ее отдельной группы во главе с М. О. Шашковым, получившей название шашковцев. Исследователем был подробно рассмотрен процесс создания сельскохозяйственных религиозных трудовых коллективов на территории Сальского округа Северо-Кавказского края, было выявлено 29 религиозных трудовых коммун [Там же, с. 412]. О. Ю. Редькиной было подчеркнуто, что сектанты вывели Сальский округ на первое место в Донской области по проценту кооперированных хозяйств: из 15 504 хозяйств были кооперированы 1 142 хозяйства [Там же, с. 413]. Переселенцы-молокане, населявшие Сальский округ, активно проводили свои собрания и съезды. На съезде молокан в 1925 г. обсуждались вопросы вероучения, проблемные моменты экономической деятельности сектантов. Обвинения в их «замкнутости», причисление к «лежекооперации» в конце 1920-х гг., по мнению исследователя, представляются надуманными [Там же, с. 491]. Нападки были вызваны сворачиванием нэпа и борьбой государства с зажиточным крестьянством.

После реэмиграции части духоборов из США и Канады в середине 1920-х гг. и молокан из закавказских республик в Сальский округ происходило развитие его сельского хозяйства. Это объясняется тем, что сектанты начали создавать сельскохозяйственные коллективы молочно-животноводческой направленности. Сектантские общины организовали 20 заводов по производству масла и сыра [5, д. 16, л. 15]. Коммуны сектантов стремились к экономическому процветанию и развитию и в 1927-1928 гг. ощущали поддержку со стороны местных органов власти.

В 1929 г. начался процесс охлаждения отношений государства к реэмигрантам, вызванный сворачиванием нэпа. Индустриализация и коллективизация должны были изменить взгляд на жизнь у рабочего класса и крестьянства. Важная роль отводилась отказу от религиозных убеждений и их замене на веру в «светлое коммунистическое будущее».

В начале 1930-х гг. действовали молитвенные дома староверов в Балаковском, Вольском, Черкасском, Дубовском, Красноармейском районах; в крупных городах Нижне-Волжского края – Астрахани, Сталинграде, Саратове [10, с. 22]. Решения об их закрытии принимались по «настоятельному требованию общего собрания избирателей и колхозников» или в результате «отказа самих верующих» [13, д. 3, л. 314].

В начале 1930-х гг. в г. Сталинграде существовали: церковь Успения Богородицы Белокриницкой иерархии (на Дар-Горе), Успенская церковь беглопоповцев, Покровская церковь поморцев (х. Купоросный), община спасовцев [6, с. 253-254]. В Сталинграде шла акция по снятию колоколов, затронувшая и староверческие церкви. С церкви Успения Богородицы было снято 4 колокола общим весом 45 п. 2 фунта, с Успенской церкви – 6 колоколов весом в 10 пудов [10, с. 22]. Акция проходила также в храмах соседних регионов. Так, в г. Ростове-на-Дону в Покровском кафедральном соборе было снято 2 больших колокола весом в 6 пудов [4, д. 156, л. 27].

В начале 1930-х гг. власти усилили антирелигиозную работу. Основной упор партийные органы делали на краевой СБ, численность которого увеличилась до 15 тыс. человек к началу 1930 г., планировалась организация массового антирелигиозного университета в краевом центре [13, д. 3, л. 317, 319]. К октябрю 1931 г. количество его членов выросло до 22 600 чел., при наличии 300 ячеек [Там же, д. 57, л. 31]. По их типу выделялись следующие: производственные – 149; советские – 31; школьные – 90; военные – 30 [Там же]. Социальный состав членов СБ был следующим: рабочих – 55%; служащих – 16%; крестьян – 2,5%; учащихся – 26,5% [Там же]. В 1931 г. Сталинградский СБ провел 70 массовых лекций, 120 докладов и 460 групповых бесед, было обслужено 115 тыс. человек [Там же, л. 32]. В регионе действовала подписка на два центральных издания СБ – газету «Безбожник» (6 800 экземпляров за 1-е полугодие 1931 г.) и журнал «Антирелигиозник» (600 экземпляров за 1-е полугодие 1931 г.) [Там же, л. 33]. Сталинградский СБ отмечал, что в 1930 г. сектантство «ушло в подполье», и не было возможности подсчитать количество сектантов региона [Там же, л. 35]. Называлось ориентировочное число сектантских активистов на территории Сталинградского округа Нижне-Волжского края – проповедников, благовестников и организаторов – в количестве 260 человек [Там же]. В регионе были распространены следующие группы старообрядцев и старых русских сектантов, отпавших от православия: поповцы белокриницкого согласия, беспоповцы (спасовцы и поморцы), беглопоповцы, молокане, толстовцы, еноховцы и свободные христиане [Там же]. По данным СБ, в начале 1930-х гг. на территории г. Сталинграда находилось 3 старообрядческих молитвенных дома [Там же].

Несмотря на проводимые антирелигиозные мероприятия, их результаты редко отражались в документах партийных органов и материалах Сталинградского отделения СБ. Это объясняется несистематичной работой

пропагандистов СБ, непостоянством его штата, недостаточным числом районных подразделений. Данный фактор не позволял охватить всю территорию региона для отображения картины истинной религиозной ситуации в Нижне-Волжском крае.

Характеризуя антирелигиозную работу СБ в краевом центре – Сталинграде, нужно отметить, что Ворошиловский район города был одним из городских старообрядческих центров. Это обстоятельство явилось одной из причин усиления антирелигиозной работы именно в этом районе к концу 1930-х гг. В 1938 г. активистами СБ в Ворошиловском районе было прочитано 48 лекций по антирелигиозной тематике с охватом 7 183 человека, в 1939 г. – уже 115 лекций с охватом 10 700 человек, мероприятия СБ были, как правило, приурочены к религиозным праздникам [Там же, д. 457, л. 90].

В августе 1930 г. в Астрахани действовали старообрядческая церковь Покрова Пресвятой Богородицы и два молитвенных дома старопоморцев и новопоморцев [6, с. 202-203]. В сентябре 1934 г. приход поморцев по ул. Нечаева насчитывал 152 верующих, другой приход по ул. Джона Рида – 81 верующего. Несмотря на протесты Покровской общины, церковь была закрыта в 1935 году [10, с. 21]. Малочисленные старообрядческие приходы действовали на территории Красноярского и Черноярского районов, но в середине 1930-х гг. они прекратили свою деятельность.

Закрытие культовых зданий и церквей староверов проходило и в казачьих районах Нижне-Волжского края. О. Ю. Редькиной было определено количество старообрядцев на территории бывшего 2-го Донского округа, частично вошедшего в состав Сталинградского округа Нижне-Волжского края. В августе 1930 г. в Нижне-Чирском районе общины староверов насчитывали свыше 4 тыс. верующих, действовали в 16 населенных пунктах [Там же, с. 22]. В начале 1930-х гг. несколько старообрядческих общин белокрыницкого согласия и беглопоповского направления существовали и на территории Хоперского округа Нижне-Волжского края: 5 общин с 332 верующими [3, д. 32, л. 1-4, д. 37, л. 12]. В целом на территории бывшего 2-го Донского округа Области Войска Донского оставалось большее количество старообрядцев по сравнению с соседними районами.

В 1930 г. в х. Чаусове Котельниковского района действовали два молитвенных дома – Крестовоздвиженский и Покровский [6, с. 510]. В начале 1930-х гг. недействующими стали молитвенные дома староверов хуторов Захаровский (с 1930 г.), Лозновского (с 1933 г.), Морсковского (с 1933 г.), Подольховского (с 1933 г.) Тормосинового района Нижне-Волжского края [Там же, с. 22]. В 1933 г. в Калачевском районе действовало 13 общин старообрядцев в собственных молитвенных домах.

Аналогично развивалась ситуация в казачьих районах бывшего Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского. В 1929 г. молитвенный дом староверов белокрыницкой иерархии х. Ендовского был закрыт под склад зерна. Молитвенный дом староверов белокрыницкого согласия в х. Ильинском Михайловского района не использовался общиной с 1929 г., был официально закрыт в декабре 1931 г. под школу [10, с. 23]. На начало 1933 г. в Даниловском районе числились 4 общины старообрядцев, имевшие молитвенные дома, но служителей культа в них не было [6, с. 252]. В июне 1933 г. были закрыты 2 староверческих молитвенных дома: Михайло-Архангельский беглопоповский в х. Прыдки и Богоявленский беспоповский в х. Попков ст-цы Островской Даниловского района из-за неуплаты налогов [10, с. 23]. Недостаток финансовых возможностей у приходов для содержания культовых зданий был результатом политики «ликвидации кулачества как класса», миграции зажиточных слоев деревни в города, тяжелого налогового обложения религиозных общин и духовенства. Обычным в деле закрытия культовых зданий становился административный произвол местных властей.

В результате закрытия молитвенных домов и церквей староверов к январю 1933 г. большинство сельских районов Нижне-Волжского края не имело зарегистрированных староверческих обществ.

Относительно общин старого русского сектанства региона можно сказать, что оно фактически прекратило свое существование в регионе. На территории Хоперского округа Нижне-Волжского края осталась только одна молоканская община, и в г. Ленинске (бывшее с. Пришиб) Сталинградского округа Нижне-Волжского края оставалась также одна немногочисленная община данного сектантского направления.

Действия властей по закрытию молитвенных домов старообрядцев сопровождалось репрессивными действиями, против руководителей религиозных общин применялась практика частую ложных доносов и обвинений, а также последующее уголовное преследование. В марте-апреле 1933 г. силами НКВД была прекращена деятельность старообрядческой «контрреволюционной организации» в Хвалынском, Балаковском, Вольском, Дубовском, Калачевском, Нижне-Чирском районах Нижне-Волжского края [1, д. 283, л. 1].

Таким образом, советская государственная политика в 1920-1930-х гг. по отношению к старообрядчеству и старому русскому сектантству региона носила ярко противоречивый характер. Одной из основных особенностей государственной политики относительно рассматриваемых религиозных групп является то, что период начала 1921-1928 гг. характеризовался «потеплением» отношений между государством и данными общинами верующих, поскольку властям была необходима поддержка отпавших от православия групп староверов и сектантов в осуществлении идеологической борьбы государства с Русской православной церковью. Кроме того, сворачивание нэпа и переход к построению социализма «в отдельно взятой стране» привел к резкому изменению практик взаимодействия государственных институтов и религиозных объединений старообрядцев и старых русских сектантов, которые теперь оказались «вне закона». Данная перемена политики Советского государства проявилась в активизации деятельности СБ и массовых закрытиях молитвенных домов и храмов староверов и сектантов. Иной особенностью отношений Советского государства с рассматриваемыми религиозными объединениями региона в начале 1930-х гг. стало использование практик заведения уголовных дел на представителей старообрядческого духовенства, что подтверждает резкую смену государственно-конфессиональных отношений на Нижней Волге и Дону.

Список источников

1. Архив Управления ФСБ России по Волгоградской области. Ф. 7. Оп. 1.
2. Белокриницкая иерархия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77938.html> (дата обращения: 25.06.2018).
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-1772. Оп. 1.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5.
5. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6.
6. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов и материалов: каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина; под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2002. 536 с.
7. Гринченко Я. С. Культура старообрядцев Нижнего Поволжья: дисс. ... к.и.н. Волгоград, 2011. 230 с.
8. Крапивин М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917-го – конец 1920-х гг.): дисс. ... д.и.н. СПб., 1999. 712 с.
9. Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 708 с.
10. Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в XIX-XX вв. // Российская история. 2012. № 4. Июль-август. С. 15-27.
11. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1.
12. ЦДНИВО. Ф. 8. Оп. 1.
13. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1.
14. ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 1.

**PECULIARITIES OF STATE POLICY IN RELATION TO THE COMMUNITIES OF OLD BELIEVERS
AND OLD RUSSIAN SECTARIANS OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE 1920-1930S**

Piskunov Nikita Vladimirovich
Volgograd State University
piskunov@volsu.ru

The article analyses the peculiarities of the Soviet state policy in relation to the Sectarian and Old Believers' Communities of the Lower Volga and the Lower Don region in the 1920-1930s. In this period the authorities' attitude to them was changeable. In the first decade of the USSR existence the state considered the Sectarian and Old Believers' Communities of the Lower Volga region as an ally in the struggle against the Russian Orthodox Church. But by the beginning of the 1930s of the XX century the state policy in relation to them had changed cardinally, having transformed into long-term persecution that was conditioned by the formation of the totalitarian Stalinist regime.

Key words and phrases: Old Belief; Old Russian Sectarianism; state-confessional relations; Soviet state; League of Militant Atheists.

УДК 93/94; 392.7

Дата поступления рукописи: 02.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.12>

В статье выявлены авто- и гетеростереотипные представления удмуртов, проанализированы их формирование и влияние на выбор стратегии поведения в процессе внутри- и межэтнической коммуникации. Авторы отмечают, что в результате межэтнического взаимодействия этим народом был выработан усредненный, приемлемый для большинства тип коммуникативного поведения, характеризующийся сдержанностью, закрытостью, слабо выраженной эмоциональностью. Однако усилившиеся в последние годы миграционные движения, ускорение ассимиляционных тенденций требуют выработки новых коммуникативных стратегий.

Ключевые слова и фразы: автостереотипы; гетеростереотипы; коммуникативные стратегии; межкультурное взаимодействие; удмурты.

Поздеев Игорь Леонидович, к.и.н.

Русских Татьяна Николаевна, к.и.н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
pozdeev79@gmail.com; tatyana_russkih@mail.ru

**РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ
В ПРОЦЕССЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА)**

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции».

Этнокультурное разнообразие российского общества оказывает несомненное воздействие на этническую идентичность и самоощущение народов России, обуславливает специфику межкультурного взаимодействия,